

Проблемы, связанные с родством культур уральских народов в различных регионах Евразии

А. И. Кузнецова
(МГУ, Москва)

В середине XIX века Вильгельм Гумбольдт, интересовавшийся вопросами соотношения мысли, языка и сознания, обратил внимание на то, что совпадений в ассоциативных связях у представителей одной языковой семьи наблюдается больше, чем у людей, относящихся к разным языковым семьям и имеющих различные культуры. Отсюда вытекает, что можно говорить о большей близости культур у этносов, относящихся к одной языковой семье. Однако в последние десятилетия исследователи, заинтересовавшиеся проблемами родства культур, при изучении мифов народов одной языковой семьи обнаружили, что мифы в этом случае могут быть не только сходные, но и разные. С другой стороны, у народов разных языковых семей были выявлены и сходные мифы. Кроме того, зафиксировано сходство мифов у народов как территориально далеких, так и территориально близких друг к другу независимо от принадлежности тех и других к одной и той же или к разным языковым семьям. К изучению данных загадок обратились археологи, антропологи, этнологи, фольклористы и лингвисты. Иногда установленным фактам пытаются дать математическое обоснование, но до получения окончательного и всеми признанного результата еще очень далеко, хотя уже в XX веке возникли все предпосылки проведения типологических исследований в области культуры, в частности, в мифологии и фольклоре. Приведу некоторое количество примеров, подтверждающих сказанное.

Как уже было отмечено, сходные мифы и сказки сплошь и рядом встречаются у близкородственных и у далеких по происхождению этносов. Так, за редким исключением (каковым являются селькупы) у уральских народов известен миф, подробно рассматриваемый в монографическом исследовании В. В. Напольских [Напольских 1991], о ныряющей птице, доставшей со дна первичного океана кусочек земли, из которого возникла суша, пригодная для жизни людей. Параллельно (т. е. при наличии и мифов о ныряющей птице) у тех же народов встречаются и другие мифы о возникновении земли. К ним можно отнести, напр.,

саамский, карело-финские, эстонские, ижорский, мордовский и другие мифы о творении земли из яйца. Существует также единственный иганасанский космогонический миф о возникновении земли, первоначально полностью покрытой чистым льдом, который постепенно стал подземным, превратившись в вечную мерзлоту. Мифы о ныряющей птице как основные космогонические мифы уральцев о появлении земли распространены не только в Евразии, но и в Северной Америке. Споры и предположения о причинах сходства мотивов о нырянии за землей у народов, столь далеких и территориально, и генетически, начавшись во второй половине XIX века, продолжают и поныне. В частности, ставится вопрос, следует ли в этом случае говорить о праязыковом родстве, о доисторических контактах или о заимствованиях (в том числе в ареалах, где проживают этноязыковые группы уральцев, юкагиров и тунгусов в Евразии и алгонкинов, ирокезов, сиу и калифорнийских пенути в Америке). Доисторические контакты могут приводить к появлению языковых союзов (о которых едва ли не первый, по крайней мере, в теоретическом плане говорил Н. С. Трубецкой), а в плане этнолого-мировоззренческом — к появлению гипотетического прауральского «мифологического союза», о чем писал В. В. Напольских. Но и без мифологического союза у этносов-соседей разных этноязыковых групп сплошь и рядом встречаются одни и те же сказки (напр., цикл сказок у селькупов о Палне, заимствованный селькупам у кетов (Бална); сказка о значимости для женщины иголки, пришедшая к селькупам от эвенков, и т. д.). Вряд ли проблема разграничения случаев праязыкового родства, заимствований, субстрата при праязыковых союзах и возможного использования кое-где *lingua franca* разрешима однозначно, но к подобным вопросам постоянно обращаются как историки, (Ю. Е. Березкин: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/index.htm>), так и лингвисты.

Напр., Габор Березки в статье «Пермско-марийские лексические совпадения — заимствования или общие субстратные элементы?» пишет: «Допустим, в ананьинское и азелинское времена марийский и пермский народы соприкасались друг с другом. Эти контакты имели место после того, как их предки по крайней мере полторы тысячи лет назад разделились. Как пермяне, так и марийцы ко времени контактов должны были обладать собственным языком. Если два самостоятельных языка — не имеют значения, родственны ли они — воспринимают слова друг друга, то эти слова называются *з а и м с т в о в а н и я м и*. Аналогичный случай — финский и саамский языки. Финны поселились на саамской земле, вследствие чего многие саамские слова вошли в финский язык, но эти-

мологические словари трактуют их не как общие субстратные элементы, а как саамские заимствования в финском языке» [Бережки 2005: 199].

В последнее время лингвисты вернулись к предпринимавшимся в 1920—1930-е гг. (см., напр., квантитативную классификацию индоевропейских языков А. Крёбера и К. Кретьена 1937 г.) попыткам определить расстояния между уральскими и другими языками северной Евразии. Под «расстояниями» между языками понимается наличие или отсутствие структурных черт (морфологических и синтаксических) в ряде языковых групп — от прибалтийско-финских до совокупности палеосибирских (юкагирский, эскимосско-алеутские, чукотско-камчатские, енисейские). В результате обработки выбранных Рейном Таагепера и Аго Кюннапом 46 грамматических признаков, характерных для урало-алтайских и палеосибирских языков, в северной Евразии были выделены четыре языковые группы (впрочем, вызывающие некоторое недоумение) среди уральских языков, максимально близкие по выбранным признакам: мордовские/саамские/прибалтийско-финские; марийские/пермские/обско-угорские; самодийские и венгерский [Таагепера, Күннар 2005]. При этом венгерский язык как уральский оказался наиболее удаленным от тюркских и других алтайских языков, а у тунгусских языков общих черт с уральскими (за исключением венгерского) оказалось столько же, сколько их существует у разных языков самой тунгусской группы.

Этнокультурные контакты уральских языков и народов в различных ареалах Евразии таят в себе еще много загадок.

Литература

- Березкин Ю. Е. Мифология аборигенов Америки и Сибири. Тематическая классификация и распределение по ареалам. Аналитический каталог // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика (<http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/index.htm>)
- Бережки Г. Пермско-марийские лексические совпадения — заимствования или общие субстратные элементы? // LU, XLI, 2005, № 3, p. 187—200.
- Напольских В. В. Древнейшие этапы происхождения народов уральской языковой семьи: данные мифологической реконструкции (прауральский космогонический миф) // Материалы к серии «Народы Советского Союза». Вып. V. Народы уральской языковой семьи. — М., 1991, 189 с.
- Таагепера R. The linguistic distances between Uralic languages // LU, XXX, 2004, № 3: 161—167.
- Таагепера R., Күннар A. Distances among Uralic and other Northern Eurasian languages // LU, XLI, 2005, № 3: 161—181.